

Вольтер

Эстетика

**Статьи. Письма. Предисловия и
рассуждения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В71

Вольтер
В71 Эстетика: Статьи. Письма. Предисловия и рассуждения / Вольтер – М.: Книга по Требованию, 2013. – 392 с.

ISBN 978-5-458-23657-7

Статьи Вольтера по вопросам искусства - важная веха в истории эстетики Просвещения. В них получила наиболее полное выражение эстетическая система просветительского Классицизма, сыгравшего такую важную роль в художественной жизни XVIII века. Большинство приводимых текстов публикуется у нас впервые. Составление, вступительная статья и комментарий В. Я. Бахмутского. Переводчики: Л. Зонина, Н. Наумов.

ISBN 978-5-458-23657-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловие
к «Нанине»
Пер. Н. Наумова

117

Рассуждение г. Дюмолара,
члена многих академий,
о главных трагедиях
на сюжет «Электры»,
написанных
в древности и в новое время,
а в особенности
об «Электре» Софокла
Пер. Н. Наумова

123

Предисловие
к комедии «Шотландка»
Пер. Н. Наумова

154

Историческое и критическое
рассуждение
по поводу трагедии «Гебры» (отрывок)
Пер. Н. Наумова

157

Отрывок
из исторического и критического
рассуждения
о «Доне Педро»
Пер. Н. Наумова

158

Письмо
Французской Академии. 1778 г.
Пер. Н. Наумова

160

Рассуждение переводчика
об «Ираклии» Кальдерона
Пер. Н. Наумова

170

РАЗДЕЛ II
СТАТЬИ ИЗ «ФИЛОСОФСКОГО СЛОВАРЯ»
Пер. Л. Зониной

173

Древние
и новые

174

Драматическое искусство	187
Прекрасное	214
Буффонада, бурлеск	217
Данте	222
Изящество	225
Эпопея	227
Ум, остроумие	241
Преувеличение	251
Басня	255
Гений	262
Стиль жанра	265
Вкус	267
Воображение	281
Литература	
Пер. Н. Наумова	291
Новое, новизна	
Пер. Н. Наумова	293

РАЗДЕЛ III
СТАТЬИ И ПИСЬМА
Пер. Н. Наумова

295

Философские письма
Письмо восемнадцатое

296

Обращение
ко всем нациям Европы

301

Комментарии
к Корнелию

315

«Жизнь и мнения
Тристрама Шенди» Стерна
в переводе с английского
г. Френе

316

Письма
Пер. Н. Наумова

319

Комментарии

343

В этой книге собраны далеко не все статьи Вольтера, посвященные вопросам искусства. Проблемы эстетики занимали Вольтера на протяжении всей его долгой творческой жизни. Само по себе это не удивительно; общеизвестно, какое огромное значение придавали французские просветители искусству. Удивление может вызвать другое. Читая статьи Вольтера, нельзя не обратить внимание на то, что главное место в них занимают вопросы художественной формы. Это, конечно, не случайно. Как и другие просветители, Вольтер видел в искусстве могучее средство преобразования мира и свои собственные произведения всегда насыщал злободневными общественными, философскими и политическими идеями, но, настаивая на том, чтобы искусство воспитывало и учило, Вольтер различал в нем план содержания и план выражения — область формы, — и только с последней связывал *собственно эстетическое* переживание, чувство красоты. Форма, утверждал Вольтер, и отличает изящную словесность от других видов литературы.

Это вовсе не означает, что категория формы для Вольтера бессодержательна. Более того, безусловная серьезность искусства, по его мнению, не только в содержании, но и в самой форме, в эстетическом переживании как таковом, в том, что принадлежит сфере «приятного», а не только «полезного», если воспользоваться известной формулой Горація, столь часто цитируемой Вольтером. Интерес Вольтера к проблемам формы как особой специфики искусства имеет причины как субъективного, так и объективного порядка.

Художественное творчество для Вольтера было только одной из многих сфер его духовной деятельности. Разносторонность Вольтера поражала современников. «Нет, конечно, — писал Фридрих II, — это не один человек совершает ту поразительную работу, которую приписывают г-ну Вольтеру. В Сире проживает целая Академия, составленная из

самых избранных людей. Там живут философы, переводящие Ньютона, эпические поэты, Корнели, Катуллы, Фукидиды, и труды этой Академии издаются в свет под именем Вольтера, подобно тому, как победы целой армии приписываются одному полководцу». Сам Вольтер шутил, что не отдает предпочтения ни одной из муз, а любит их всех. Как ни исключительна разносторонность Вольтера, для XVIII века она — явление характерное. И Дидро, и Руссо, и Монтескье были не только писателями. Энциклопедия, в которой они все сотрудничали, была естественной формой для выражения их духовного «я». Недаром Вольтер стал автором «Философского словаря» — энциклопедии, созданной усилиями одного человека. Идея энциклопедии — детище XVIII века, по определению Гегеля, «периода мыслительного рассудка», склонного всюду вносить разграничения, обособлять отдельные сферы в нечто самостоятельное, устанавливая между ними скорее внешние, чем внутренние связи. Однако границы между отдельными сферами тогда еще не отвердели, и переход от одной сферы к другой совершался естественно и свободно, человеческий ум воспринимал каждую из этих сфер как особую форму своей духовной деятельности, как особый язык, на котором он выражал, конечно, разное, но в чем-то и единое содержание.

Разграничение содержания и формы было характерно и для эстетики классицизма, которая рассматривала содержание как непосредственный эмпирический жизненный материал, а в форме видела начало художественной организации, превращающей этот жизненный материал в прекрасное и стройное произведение искусства. Противопоставление содержания и формы — только одно из проявлений присущей культуре XVII века оппозиции природы и цивилизации, индивида и общества, чувства и разума. Эта оппозиция сохранила свое значение и для культуры Просвещения, но приобрела иное содержание и смысл.

Просветители подхватили и развили принципы рационализма XVII столетия. Их основное оружие — разум — революционная сила, отрицающая все существующие общественные отношения и соответствующие им нравственные и духовные ценности, основа будущего идеального общества. Выраженная в классицизме позиция человека, сознательно относящегося к миру и к самому себе, способного действовать на рациональных основаниях — в политической, экономической, культурной, нравственной и художественной сферах, — оказалась близкой мыслителям XVIII века, но получила новую основу. Просветители пытались снять дуализм разума и природы, на котором строилась философия Декарта, искусство и эстетика классицизма.

Разумными и прекрасными были признаны все естественные устремления человеческой личности. Защита естественных прав человека, реабилитация материальной, чувственной стихии жизни составляла важную сторону идеологии Просвещения. Однако разрешить противो-

речие цивилизации и природы, целого и частного просветителям не было дано. Во всех своих построениях они исходили из изолированного индивида, взятого вне истории, как самостоятельная монада, и представляли себе общество как искусственную организацию, возникшую в результате добровольного соглашения, договора между отдельными, независимыми, живущими обособленно лицами, решившими вступить в общественный союз и ради выгод, которые он им сулил, поступиться некоторой долей своих естественных прав и свобод. Поэтому никакой общественный порядок не представлялся возможным без известного ограничения свободы человека, принудительного или добровольного, и идеальное состояние оказывалось не разрешением противоречия между цивилизацией и природой, а лишь попыткой примирения его.

Интерес к вопросам искусства в философии XVIII века неотделим от решения этой проблемы. Она составляет сердцевину и эстетики Вольтера.

Искусство, в глазах Вольтера, — порождение цивилизации, создание искусственное, творение человеческого духа, на котором лежит печать разума человека и его воли. Источником прекрасного является форма, в которой выступает воля художника, торжествующая над грубой и текучей эмпирией жизни. При этом форма подразумевает строгую систему правил в виде заданного ритма, рифмы, лексических, стилистических и других норм. В художнике Вольтер ценил артистизм, виртуозное мастерство, способность преодолеть трудности, систему ограничений, накладываемых на него законами формы, установленными правилами. «Никогда не существовало, — писал Вольтер, — такого искусства, которое не ценилось бы сообразно с его трудностями... Недаром греки поместили муз на вершину Парнаса; чтобы добраться до них, нужно преодолеть множество препятствий» *. Правила — цепи, оковы, но именно этим оковам «мы обязаны превосходными произведениями на нашем языке».

Как ни формально понимание прекрасного у Вольтера, оно обладает серьезным жизненным содержанием и неотделимо от общественного и нравственного идеала писателя.

Одна из важнейших категорий вольтеровской эстетики — *правдоподобие*: изображаемое должно соответствовать естественному здравому смыслу, всеобщим законам разума. Но есть здесь и другая, не менее важная сторона: требование правдоподобия — то есть только *подобия* правды, *видимости* ее — предполагает создание художественной иллюзии, которую Вольтер понимает шире и иначе, чем реалисты XVIII века (например, Дидро), стремившиеся внушить читателю, что расска-

* Цитаты из произведений Вольтера во вступительной статье даются в переводе В. Я. Бахмутского.

естественности), как единственно возможный способ выражения данной мысли или чувства.

С другой стороны, он сознает, что естественность — это всего лишь видимость, и поэтому ценит виртуозность художника, его способность преодолеть любые поэтические трудности, казаться свободным. При этом оба плана не отменяют друг друга, а присутствуют одновременно, создавая особый художественный эффект.

Было бы, однако, неправильным думать, что первый план восприятия касается содержания искусства, а второй — только его формы. Преодоление поэтических трудностей для Вольтера не самоцель, а средство создания художественных ценностей. Он резко полемизирует с Ударом де Ламоттом, сравнивавшим поэта с фокусником, просеивающим зерна проса через игольное ушко, и утверждавшим, что подобные выкрутасы могут представлять интерес только лишь как преодоленная трудность. «Тот, кто станет преодолевать трудности ради одной заслуги преодоления, — писал Вольтер, — безумец; но тот, кто из недр препятствий исторгнет красоты, услаждающие всех, — мудр и неподражаем. Весьма трудно создавать прекрасные картины, красивые статуи, хорошую музыку, хорошие стихи».

Но дело не только в этом. Художественный стиль определяется объектом, но в то же время несет на себе печать личности своего творца, моделирует авторскую концепцию мира, общественные, нравственные и художественные идеалы писателя. (Вот почему стиль не может восприниматься как нечто, естественно выросшее из самого жизненного материала, в нем всегда ощущается творческая воля писателя, преднамеренность, сознательный выбор.) С этой точки зрения идея «искусственной естественности» имеет более широкое, нежели только одно эстетическое, значение, она выражает общественный идеал Вольтера — гармонию цивилизации и природы. Вольтер ценил естественность как антипод примитивности и варварства, как качество высокоцивилизованного человека, для которого общественные нормы и правила поведения (то есть нечто искусственное) стали естественными чертами его натуры.

II

Искусство обращено к публике и не существует вне воспринимающего его читателя, зрителя, слушателя. В связи с этим в эстетике Вольтера важнейшее значение приобретает категория *вкуса*. Вкус — особое эстетическое чувство, «чувствительность по отношению к прекрасному и уродливому». Но сфера красоты — форма, а потому вкус ограничивается лишь оценкой внешней стороны художественного про-

изведения, не затрагивая всей глубины его содержания*. Мы уже видели, что форма для Вольтера внутренне содержательна; это относится и к категории вкуса. Вкус — изощренное культурой понимание красоты и одновременно — непосредственное чувство. «Вкусу мало видеть, понимать красоту произведения, ему необходимо эту красоту почувствовать». Будучи непосредственным чувством, вкус одновременно и аналитичен, это умение дифференцировать, отделять сильное от слабого, способность разбираться в оттенках. («Ему мало смутного ощущения, смутной растроганности, ему нужно разобраться во всех оттенках, ничто не должно ускользнуть от мгновенного распознавания») Вкус — чувство, пронизанное мыслью, в нем соприкасаются культура и природа, искусственное и естественное, он — своеобразный посредник между ними, свидетельство того, что не всегда они должны выступать как полюсы, что гармония между ними возможна.

Где нарушается равновесие между культурой и природой — там возникает дурной вкус. На ранних этапах развития искусства вкус, по мнению Вольтера, еще не образовался — отсюда, например, неумеренность и бессвязность восточной поэзии («быть напыщенным куда легче, чем тонким, точным и изящным»), но в варварском вкусе есть своя сила и даже своеобразное обаяние цельности и мощи. Собственно дурной вкус возникает лишь в эпохи упадка, в условиях цивилизации, удалившейся от природы: «Его услаждают приправы чрезмерно острые и изысканные», «он находит красоту лишь в изощренных украшениях и нечувствителен к прекрасной природе». Именно такой период переживает, по мнению мыслителя, современная Вольтеру дворянская цивилизация XVIII века. «Боясь оказаться подражателями, художники ищут окольных путей и все дальше и дальше отходят от прекрасной природы, которую удалось уловить их предшественникам». Писатели оригинальничают, стремятся блеснуть новым выражением, прибегают к формальным ухищрениям, выкрутасничают, утомляя читателя «переизбытком искусственных образов, из которых половина, по крайней мере, совершенно бесполезна».

Высший расцвет французское искусство переживало в период классицизма XVII века: «...то был ясный день, после которого наступили долгие и печальные сумерки». Вольтер высоко ценит литературу века Людовика XIV, стремится в своем собственном творчестве достойно продолжать ее традиции, но многое в классической доктрине он уже

* Последнее требует творческого воображения, которое есть достояние гения. В эстетике Вольтера уже намечается оппозиция гения и вкуса, которая будет иметь столь важное значение в «Критике способности суждения» Канта (см. статью «Гений»; показательна и характеристика Шекспира как гения «без малейшего проблеска вкуса» и т. п.).